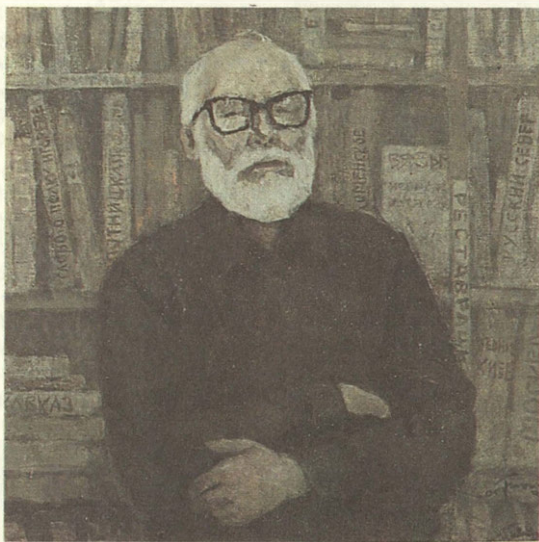

В. А. Виноградов,
архитектор

Хранитель первообраза

Портрет
П. Д. Баранов-
ского работы
художника
Н. Отрошенко

Имя Петра Дмитриевича Барановского — выдающегося ученого-реставратора, бесстрашного борца за сохранение историко-культурного наследия, основателя школы научной реставрации памятников, оставившего нам спасенное от уничтожения величайшее богатство духовных ценностей, — это имя Личности в эпоху социальных катастроф, в которых уничтожались народы, культуры, цивилизация, где не было места для спасения и все ввергалось в пучину зла.

География и масштаб сохраненного наследия свидетельствуют о достоинстве этой Личности. Подобно Ноеву ковчегу в водовороте всемирного потопа, Барановский жертвенно собрал отпущенными ему силами святыни Руси, чтобы сохранить их на день Страшного суда как обвинителей бесчестия, совершавшегося в Отечестве, и как источник преображения падшего человека и воскрешения его нетленного духа. Всем строем своей Личности ценность памятника культуры, как святыни, он противопоставил человеку, погрязшему в мерзостях мира сего и не чтущему святыни, как сыну погибели. Очевидно, бывают часы крушения истории, когда спасение святыни только и оправдывает жизнь человека. В том — смысл этой Личности.

Подвижник, герой — в мирские оцен-

ки не укладывается ее значение. А значение столь высоко, что превышает привычное понимание. И потому совмещаются в его образе многие грани: реставратор, хранитель, мастер — с учителем, проповедником.

Профессия реставратора памятников истории и культуры всегда выделялась в особую, элитарную область знания и деятельности, элитарную — не отделенную от народа, а, по сути, область служения первообразу. Она предполагает возможность глубинного погружения в исчезнувшие знаки культур и возвышенного восхищения творчеством, отворяющим в своих образах высшее измерение и понимание жизни.

Но за чудесными открытиями мира творчества, творящего духа, воплощенного в памятниках истории и культуры, перед каждым, входящим в эту сокровенную область понимания, стоят завалы и наслоения. Преодолеть, расчистить эти завалы и наслоения, пробить свет подлинной духовной жизни — здесь сложность призвания, требующего напряжения всех нравственных и физических сил. Тем более, когда этот род деятельности и знания запрещен под страхом отчуждения, преследования, когда сама профессия реставратора обречена на прозябание без всякой социальной надежды.

Храм Василия
Блаженного

Когда опорой служит несказанная радость открытия, радость увидеть чудо бытия, неподверженного тлению.

Какова же цена этого видения, если человек идет к нему через все жертвы и лишения, через угнетение и бесправие? Такое состояние оставленности и беспредельного сиротства подобно кресту, который завещано нести на себе до собственной Голгофы. Готовность нести свой крест каждый год, каждый день, каждый час — каждое мгновение переживать смерть и воскрешенному вставать, чтобы идти дальше, — такие тяготы, испытания легко ли выдержать из необъяснимого желания взглянуть на чудо откровения?

1936 год. Красная площадь. Казанский собор. Петр Дмитриевич, только что вернувшийся из лагерей, лишенный прописки в Москве, узнает, что реставрированный им храм Казанской Божией Матери — это чудо Древней Руси, храм с горкой кокошников, воплощающих «силы небесные — суть пламень огненный», — варварски разрушается. Разрушается тот Образ, который давал силы жизни для борьбы, сопротивления, про-

тивостояния силам зла. Как не проклясть после этого весь мир, не впасть в соблазн оставить злу творить свои злодеяния? Грань отчаяния подбигает на подвиг. Под угрозой новой ссылки, а может, и хуже, за «контрреволюционную деятельность», Барановский делает обмеры разбираемого храма, фотографирует трагедию разрушения Образа. Чего ради? Когда кругом — вакханалия уничтожения русской культуры, когда заколачиваются гвозди в гроб ее истории.

Да и что было делать с этими свидетельствами, за хранение которых ждет та же участь? Хранить возможную свою же погибель? Но если обнаружится хранилище, тогда всему конец. Постоянное ожидание гибели и нетеряемая надежда спасти Образ храма определили душевное состояние, которое формировало образ самого Петра Дмитриевича Барановского. Отсюда его неукротимая воля и энергия в достижении цели. Когда нет уже деления на задачи большие и малые — все значительно. Тем жил Барановский.

Дом В. И. Даля на Большой Грузин-

Английский двор в Зарядье, спасенный П. Д. Барановским и восстановленный по его проекту

ской в Москве, 1968 год. Принято решение о его сносе для строительства здания алмазного фонда министерства геологии. Секретарь ЦК КПСС Соломенцев и председатель народного контроля СССР Кованов подписали приговор дому, несмотря на публичные протесты ученых и общественности. Барановский начинает атаку. День за днем он встряхивает уснувшие души, будоражит утративших веру, вселяет дух непримирения, уговаривает крупнейших академиков сделать последний шаг к спасению памятника, поднимает волну возмущения общественных организаций, убеждает молодежь грудью спасать дом от бульдозеров. И власть отступила, предоставив возможность Обществу охраны памятников реставрировать дом Даля своими силами и средствами. Здесь родилась идея создания научно-реставрационной мастерской Общества, где изначально спасение памятника, его охрана, реставрация, приспособление и использование под культурные цели стали принципом нового подхода к сохранению наследия. Мастерская по мере роста становилась школой Мастера-реставратора.

Лето 1970 года, село Коломенское. Хранилище спасенных Барановским образов Святой Руси, вывезенных с Севера памятников деревянного зодчества. Сюда, в самое сердце хранилища спасенных святынь, нацелена трасса будущего Пролетарского проспекта. Судьба Иова, преследуемого несчастьями, повторяется в судьбе Барановского. Казалось бы, удалось спасти неопценные сокровища, сберечь, взлелеять, отреставрировать, вдохнуть жизнь в новый музей, и вот снова напасть — разрушение исторического ландшафта, сужение экологического оазиса.

Судьба уготовила Барановскому страшные удары в каждом спасенном памятнике — после реставрации памятник разрушали на его глазах, подобно тому, как бы убивали сына на глазах родителя, и снова тлен разрушения обрушивался на Образ памятника и на Мастера. Так было в Болдинском монастыре в Смоленской области, с усадьбой Коломенское, с Ново-Иерусалимским монастырем, Крутицким подворьем, с деревянными храмами Русского Севера...

Жесткий нрав, крутой, бескомпромиссно требовательный к себе и другим характер, не допускающий небрежения к делу. Не всякий мог выдерживать общение с Барановским. Но тем, кто был близок к нему, открывалось потрясающее богатство памяти, необычайной красочное видение и переживание культуры Древней Руси. Он жил этими образами постоянно и неотрывно, окружая себя предметами, картинами, иконами. И окру-

жающих побуждал видеть вокруг себя не только то, что было в действительности — небрежение и забвение, но что наполняло веками жизнь народа. Из его кабинета на третьем этаже реставрируемой Владычной палаты в Крутицах открывались виды на изуродованный Ново-Спасский монастырь и на остатки Симонова монастыря. Он предлагал художнику К. Лоциял выполнить художественные реконструкции этих видов с Крутиц, и после долгих споров о научной стороне вопроса и уточнения существенных деталей произведения художника занимали соответствующее место на стенах кабинета. Это создавало рабочую атмосферу Учителю и всем, кто вместе с ним трудился на поприще реставрации. Это была как бы рама, которая позволяла вписывать осуществляемую реставрацию не только в сегодняшний день, но и в реальность исторического бытия, того, что было и что будет.

Сохраняя и реставрируя тот или иной памятник, Барановский возрождал утраченные честь и достоинство своего народа и личности человека, расширяя и углубляя тем самым наше сознание. Не случайно он сравнивал реставрацию памятников с лечением болезни — в этом суть всех его трудов. Лечить, восстанавливая, регенерируя утраты памятника, — значит лечить и общественное сознание, пораженное недугом беспамятуства и самоуничтожения. Памятник, обретая общественную значимость, становился ценен родовой памятью, в нем обреталась та генетическая нить, которая связывает нас с древними мастерами, живая нить, связующая нас с судьбой Отечества.

Петр Дмитриевич Барановский был нецерковным человеком, так сложилась судьба. Но перед ним всегда был исход глубоко почитаемого им реставратора Покрышкина, ушедшего в монастырь в конце жизненного пути. Признавая православию церковь и религию истоком культуры и двигателем истории, он не мог войти в ее сакральное царство, видимо, опасаясь, что, встав на путь, он не сможет защищать открыто от гибели и разрушения памятники культуры. В этом поступке скрыта загадка праведника, живущего в миру.

Весь свой авторитет, все свои жизненные силы он отдавал великому делу восстановления погранных святынь тысячелетней Руси, неся свою крестную ношу — хранителя Первообраза. Имя Петр значит камень, сказано в Евангелии, на котором зиждется основание и фундамент Храма. Имя Петра Барановского да пребудет в том Храме, дорогу к коему он проложил своими деяниями.